

АБИССИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ЭФИОПСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Вплоть до середины XIX века российско-эфиопские контакты являлись спорадическими и, как правило, опосредованными. В 1847 г. учреждается Русская духовная миссия в Иерусалиме (РДМ), именно с этого времени начинается более тесное взаимодействие между Россией и Абиссинией (Эфиопией), охватывавшее изначально религиозно-культурную сферу. Порфирий Успенский, первый начальник РДМ сумел наладить контакт с проживавшими в Иерусалиме абиссинскими монахами. В данном случае речь не могла идти о каком-либо прагматическом расчете с российской стороны, так как абиссинцы не пользовались влиянием в Палестине. Первая половина XIX века ознаменовалась борьбой за контроль над святыми местами христианства и территорией храма Святого Гроба, итогом которой стало усиление позиций Римской католической церкви и армянского епископата. Абиссинцы и копты (эфиопская церковь входила на правах митрополии в Александрийский коптский патриархат – С.Б.) лишились ряда монастырей и владений в храме Святого Гроба. «...Великий храм Честного Креста. На сем месте воскрес мертвец, когда наложили на него обретенный на земле Господень крест; там есть место, где стояла святая Елена, когда откапывали крест. Прежде владели сим храмом кабеши, то есть абиссинцы, ныне же – армяне»²⁴⁴; эти слова, принадлежащие посетившему Палестину в 1845-1846 г.г. афонскому монаху Парфению, повествуют об утрате эфиопами одного из главных своих храмов в Палестине, расположенного в непосредственной близости от общехристианских святынь – Голгофы и Гроба Господня. Эфиопы, как и копты, не имели в Иерусалиме союзников и покровителей, они исповедовали христианство монофизитского толка, объявленное ересью на IV Вселенском (Халкидонском) соборе 451 г., что крайне усложняло их положение и взаимоотношения с представителями других христианских конфессий, так, например, православные не допускали монофизитов в контролируемые ими часовни храма Святого Гроба²⁴⁵. Абиссинские монахи по причине своей малочисленности не могли принимать активного участия в спорах за храмовые площади, нередко переходившие в кровопролитные столкновения с человеческими жертвами. К тому же они испытывали постоянные финансовые затруднения из-за экономических и политических проблем у себя на родине, чем охотно пользовались армяне, внедрившие практику покупки святых мест, которая коснулась также владений коптов и сирийцев в Иерусалиме. Бедственное положение монофизитов привлекло внимание архимандрита Порфирия Успенского, выдвинувшего смелый проект объединения коптов и абиссинцев под эгидой Русской православной церкви. Следует отметить, что данная идея нашла поддержку у российского правительства, наглядным примером чему служит отношение обер-прокурора Синода на имя министра иностранных дел от 26 апреля 1856 г.²⁴⁶, в котором подчеркивается необходимость налаживания контактов с монофизитским духовенством. В 1860 г. Порфирий Успенский отправился в Египет для обсуждения механизма объединения церквей с коптским патриархом Кириллом, но во время визита архимандрита Порфирия коптский первосвященник скончался, что привело к срыву переговоров. Между тем, нужно сказать, что в самой России, прежде всего в среде православного духовенства, отношение к возможному объединению с коптской и абиссинской церквями было крайне неоднозначным. Митрополит Московский Филарет, один из наиболее влиятельных иерархов Русской Православной церкви воспринял известие о провале миссии П.Успенского с определенной долей сарказма: «Не от затруднений ли

²⁴⁴ Путешествия и странствия по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника святая горы Афонская инока Парфения // Путешествия в Святую Землю. М., 1995. С.142.

²⁴⁵ Берг В.Н. Путешествие в Святую Землю // Там же. С.195.

²⁴⁶ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX - начале XX в. М., 2006. С.268.

избавлен Святейший Синод тем, что мнимое миротворство архимандрита Порфирия пресечено провидением Божиим, пресекшим жизнь Коптского Патриарха и разрушившим надежду архимандрита Порфирия»²⁴⁷. Даже возглавлявший в 1865-1894 г.г. Русскую Духовную миссию в Иерусалиме архимандрит Антонин Капустин, известный своими теплыми отношениями с монофизитами (стоит упомянуть, что именно копты и абиссинцы поспешили первыми высказать русскому архимандриту слова соболезнования в связи с убийством императора Александра II – С.Б.), весьма скептически смотрел на попытки объединения трех церквей. Несмотря на то, что и копты, и абиссинцы называли себя православными, в их церемониале прослеживались достаточно серьезные расхождения, о чем свидетельствуют слова А.Капустина, посетившего службу эфиопов. Архимандрит записал в своем дневнике: «Едва можно узнать в ней (литургии) ход нашего богослужения. Много странного и дикого. Во всяком случае, любопытно было видеть все это необычное для глаза богослужение»²⁴⁸.

Вторая половина XIX века ознаменовалась серьезными переменами во внутривосточной жизни Эфиопии, отголоски которых дошли до Иерусалима. В 1855 г. на престол взошел негус Теодрис II (правил до 1868г.), положивший начало объединению страны, ни одно столетие находившейся в состоянии раздробленности. Именно абиссинская церковь должна была сыграть одну из главных ролей, став идеологической опорой нового централизованного государства. Теодрис активно использовал христианские лозунги в военных кампаниях против мусульманских владетелей на побережье Красного моря, в период своей экспедиции в соседний Судан и во время похода в царство Шоа. Ему также принадлежит идея «крестового похода» с целью освобождения Иерусалима от турецкого господства. Один из ближайших преемников Теодриса Йоханнес IV (1872-1889) отказался от несбыточных планов предшественника и перешел к конкретным действиям, выделив средства на строительство в Святом Граде нового абиссинского храма, возведение которого описал в своем дневнике Антонин Капустин. Построенная на пожертвование монарха церковь Девы Марии стала со временем центром целого монастырского комплекса. Параллельно с возрождением эфиопской государственности шло усиление национального самосознания, что отразилось в стремлении эфиопской церкви порвать с почти полуторотысячелетней зависимостью от коптского патриархата. Копты подчас сами предоставляли повод для недовольства: в 1838 г. они захватили эфиопский монастырь в Иерусалиме, насельники которого умерли от свирепствовавшей тогда чумы, и уничтожили все документы, подтверждавшие права прежних владельцев. Как позволяют судить сведения, даваемые М.Булатовичем, членом прибывшей в 1896 г. в Аддис-Абебу российской миссии, в самой Эфиопии отношение населения и местного духовенства к абунам (епископам), присылаемым из Александрии, было негативным, причина этого часто скрывалась в их личных качествах и наклонностях, противоречащих духовному званию²⁴⁹. Конфликт с коптами приобрел затяжной характер и окончился только в 1959 г., когда эфиопская церковь получила полную самостоятельность. Попытка отмежевания от Александрийского патриархата²⁵⁰ предпринималась еще в конце XIX века. На подобное заявление копты ответили решительными действиями, выбрав для удара то место, где позиции Эфиопии были наиболее уязвимы, а именно – Иерусалим. Копты заблокировали абиссинским монахам доступ к ряду святых мест, более того, очевидно, по договоренности с армянской общиной, у эфиопов было отнято кладбище, прилежавшее к армянскому²⁵¹. К этому времени Эфиопия так и не открыла собственную дипломатическую миссию в Палестине и не в состоянии отстоять свои интересы в Иерусалиме, вынуждена была в итоге уступить, признав верховенство коптской патриархии. Столь решительная реакция коптов была вызвана не в последнюю очередь финансовой составляющей вопроса об автокефальности эфиопской церкви. Дело в том, что египетские копты обладали монопольным правом на занятие епископских кафедр Эфиопии, по словам Булатовича, «обязанности епископов заклю-

²⁴⁷ Цит. по: Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой русской духовной миссии в Иерусалиме. СПб., 1906. С. 104.

²⁴⁸ Архимандрит Антонин (Капустин). «Жаль мне до смерти всего прошедшего» (Страницы из дневника) // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т.2. М., 2000. С. 555.

²⁴⁹ Булатович А.К. С войсками Менелика II. М., 1971. С.130.

²⁵⁰ Здесь и далее подразумевается коптский Александрийский патриархат.

²⁵¹ Булатович А.К. С войсками Менелика II. С.141.

чаются почти только единственно в посвящении на церковные должности»²⁵². Этот весьма скромный перечень обязанностей сочетался между тем с серьезными выгодами. Коптские священники расположились на высших ступенях церковной иерархии, что открывало доступ к контролю над всеми финансовыми поступлениями в казну эфиопской митрополии. Абуна Матеос, епископ из Шоа, ставший после воцарения негуса Менелика II (1889-1913) эфиопским митрополитом, серьезно испортил свою репутацию из-за того, что открыто брал деньги за посвящение в сан и за назначение на почетные церковные должности. Петрос, епископ из Тигре²⁵³, занимавший пост митрополита при Йоханнесе IV, болезненно воспринял передачу своих полномочий другому иерарху и превратился в обличителя пороков новой церковной власти²⁵⁴. Возникшие на финансовой основе трения внутри коптского епископата только еще больше подрывали его авторитет. Светские власти не позволяли коптскому митрополиту и епископам оказывать влияние на политическую жизнь страны, но и в свою очередь предпочитали не вмешиваться во внутрицерковные проблемы. Между тем, имея исключительные права при назначении на церковные должности (только абуна мог рукополагать священников)²⁵⁵, коптские иерархи получали возможность следить за лояльностью эфиопских священников и препятствовать продвижению настроенных к ним оппозиционно духовных лиц. Но следует при этом оговориться, что абиссинское священство едва ли могло в данном случае составить консолидированную оппозицию египетским епископам, в немалой степени из-за низкого уровня образованности подавляющей его части. Система духовного образования в Эфиопии не была налажена, и коптам было весьма выгодно культивировать невежество. Подобная практика отнюдь не была уникальной для Эфиопии, и активно применялась греческими иерархами православных Иерусалимского и Антиохийского патриархатов в отношении арабского клира. Низкое качество образования в школах, открываемых патриархией для православных арабов, помогало грекам противостоять притязаниям арабского духовенства на занятие высоких ступеней в церковной иерархии и держать его в покорности. Эфиопы, в сущности, повторили судьбу православных арабов и были фактически отстранены от возможности получения качественного образования. Путь в православные Духовные академии «еретикам-монофизитам» был закрыт, оставались, таким образом, только образовательные учреждения, подконтрольные коптам. Копты же заботились, прежде всего, о сохранении собственного влияния внутри эфиопской церкви и не могли допустить появления епископа-абиссинца, что неизбежно бы подорвало их позиции. В данном отношении коптские иерархи проявляли исключительную солидарность. Кроме того, Александрийский патриархат получал существенную материальную выгоду от назначения своих епископов в эфиопские епархии. В правление негуса Йоханнеса в страну прибыли четыре коптских епископа из Египта, за которых эфиопский монарх вынужден был заплатить патриарху александрийскому 40 тысяч талеров²⁵⁶ (1 эфиопский талер приравнивался к 1 рублю). Подобный механизм назначения на епископские кафедры можно назвать уникальным. Обратной же стороной в данном случае служило крайне сложное материальное положение собственно эфиопского духовенства, особенно в сельской местности. В 1897 г. во время прохождения российско-абиссинской военной экспедиции через западные провинции Эфиопии, священники окрестных сел умоляли находившегося в ее составе представителя российской дипломатической миссии Л.К.Артамонова оказать финансовую поддержку местной церкви²⁵⁷. Причины столь бедственного положения церкви становятся вполне понятными, если учесть, что материальные ресурсы отнюдь не богатой страны, экономика которой базировалась на архаичном подсечно-огневом земледелии, были задействованы в многочисленных конфликтах с суданскими махдистами (именно в сражении с махдистами погиб в 1889 г. негус Йоханнес IV) и в полномасштабной войне с Италией (1895-1896). В связи с этим крайне затруднительным становилось также содержание монастырей и подворий в Иерусалиме. Тем не менее, сохранение абиссинского присутствия в Палестине являлось делом чести для страны, одной из первых принявших христиан-

²⁵² С войсками Менелика II. С. 130.

²⁵³ Тигре – область на северо-востоке Эфиопии со значительным мусульманским населением.

²⁵⁴ С войсками Менелика II. С. 139.

²⁵⁵ Орлов Н.А. Итальянцы в Абиссинии. 1870-1896 г.г. (Стратегический очерк). Спб., 1897. С. 6.

²⁵⁶ С войсками Менелика II. С. 139.

²⁵⁷ Артамонов Л.К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979, С.66.

ство в качестве официальной религии, и лично для представителей правящей императорской династии, ведущих свой род от ветхозаветного царя Соломона и царицы Савской.

Абиссинская община Иерусалима была одной из самых малочисленных и бедных в городе, последнее в полной мере является следствием упомянутых выше экономических проблем Эфиопии. По данным российского консульства, на сентябрь 1894 года численность проживавших в Иерусалиме абиссинцев составляла около 120 человек, из них 89 человек были занесены в категорию беднейших жителей города.²⁵⁸ Александр Ксаверьевич Булатович, в монашестве Антоний, твердый сторонник объединения церквей и российско-абиссинского сближения полагал, что первоочередное внимание России должно быть обращено на положение эфиопов в Иерусалиме²⁵⁹. И именно в сфере благотворительности российское правительство предприняло первые реальные шаги, направленные на налаживание контактов с единственным независимым государством Африки. В России был учрежден сбор на благо нуждающихся жителей Иерусалима, средства от которого распределялись вне зависимости от вероисповедания, при этом, материальная помощь охватывала немногим менее трех четвертей эфиопской общины Палестины²⁶⁰. Однако, подобная помощь не носила регулярного характера и была, как правило, приурочена к христианским праздникам. Таким образом, финансовая проблема продолжала оставаться для абиссинцев Иерусалима, особенно монахов, достаточно острой. Нужно отметить, что бюджет местных христианских общин в немалой степени зависел от численности паломников, точнее объема производимых ими пожертвований. В этой связи следует остановиться на характеристике паломничества эфиопских подданных в Палестину. Прежде всего, необходимо отметить, что численность паломников из Эфиопии была на порядок меньше относительно других христианских стран. Причины в данном случае были вполне объективными.

Во-первых, весьма трудный путь. Сухопутное путешествие через Судан и Египет сопрягалось с массой опасностей и было невозможным в период существования государства махдистов (1881-1898). Эфиопия не имела выхода к морю, путь к нему преграждала пустыня и прибрежные султанаты, традиционно враждебные по отношению к абиссинцам. К тому же, в 1885 г. территория нескольких султанатов (совр. Эритрея) перешла под протекторат Италии, рассматривавшей Эфиопию в качестве потенциальной колонии. Единственный безопасный маршрут для паломников пролегал через подконтрольную Франции часть побережья Сомали к портам Обок и Джибути и оттуда по морю через Суэцкий канал до Яффы (Хайфы), а до открытия судоходства по каналу – караваном через Синайскую пустыню.

Вторая причина малых масштабов паломничества заключалась в крайней бедности подавляющей массы населения Эфиопии. Так, в сборе средств для отправки одного паломника могла принимать участие целая деревня. Но даже этого часто было недостаточно, вследствие чего отправлявшиеся в Палестину должны были испытывать многочисленные лишения в дороге и во время своего пребывания на Святой Земле. Лучше всего ситуацию характеризуют слова очевидца: «...положение абиссинцев в Иерусалиме самое грустное.»²⁶¹. Специальными объектами инфраструктуры: гостиницами для паломников, больницами по типу тех, что строились Россией, Францией и другими европейскими странами по всей территории Палестины, эфиопы не обладали. Абиссинское правительство фактически не имело средств, чтобы создать благоприятные условия для своих паломников. Начиная с Йоханнеса IV, негус и члены его семьи стали регулярно выплачивать денежное пособие абиссинским монахам, но это не решило всех проблем, тем более, что оно не шло не в какое сравнение с суммами, отправляемыми в Каир коптскому патриарху. Александр Булатович пишет: «Материальное положение их (абиссинцев в Иерусалиме – С.Б.) тоже очень грустное. Они получают в год всего около 1000 рублей, из них 500 от императора и 500 от раса²⁶² Маконена»²⁶³ (рас Маконен (1853-1906) – двоюродный брат негуса Менелика II, наместник провинции Харар – С.Б.). Паломники сами испытывали матери-

²⁵⁸ Донесение управляющего генеральным консульством в Иерусалиме А.Г. Яковлева послу в Константинополе А.И. Нелидову. 30 сентября 1894 г. // Россия в Святой Земле. Т.1, С. 205.

²⁵⁹ С войсками Менелика II. С.141.

²⁶⁰ Россия в Святой Земле. Т.1, С. 205-206.

²⁶¹ С войсками Менелика II. С.141.

²⁶² Рас – в пер. с амхарского – голова, высшее звание в военно-административной иерархии, сопряженное с выполнением функций наместника негуса и командующего отдельной армией.

²⁶³ С войсками Менелика II. С.141.

альные затруднения и не могли оказать серьезной поддержки монахам и иерусалимской общине. К тому же, данные источников позволяют сделать вывод, что численность паломников из Эфиопии не превышала 100 человек в год²⁶⁴.

90-е годы XIX века проходят под знаком оживления интереса российского правительства к Эфиопии. Россия помогала Абиссинии поставками вооружения в период итало-эфиопской войны 1895-1896 г.г., а после ее окончания отправила миссию Красного креста для помощи раненым. Спустя год после завершения успешной для Эфиопии войны в Аддис-Абебу из Санкт-Петербурга прибыла миссия П.М. Власова, что положило начало официальным дипломатическим отношениям между двумя странами. Учреждение миссии было продиктовано в первую очередь политическими задачами, преследуемыми Францией и союзной ей Россией и направленными на противодействие усилению позиций Великобритании в регионе. С учетом того, что англо-эфиопские отношения были натянутыми из-за намерений Менелика II расширить свои владения за счет спорных территорий по течению Белого Нила, Абиссиния могла рассматриваться правящими кругами России и Франции как элемент в механизме борьбы за преобладание не только на африканском континенте, но и в других регионах. В пользу данного утверждения говорит тот факт, что дипломатическая миссия была отправлена в Эфиопию, когда та заявила о себе как о субъекте политики, продемонстрировав свою способность успешно противостоять военной агрессии европейской державы. Англо-эфиопская война казалась дипломатам из Парижа и Петербурга также неизбежной и от того, насколько долго и эффективно сможет сопротивляться эфиопская армия, зависел для франко-русского союза исход борьбы за расширение сфер своего влияния в мире.

В налаживании отношений с негусом Менеликом немаловажную роль играл религиозный фактор. На первой же аудиенции в императорском дворце российский посол поднял вопрос о положении эфиопских паломников в Палестине. П.М. Власов пообещал не только «помогать советами» и «охранять Эфиопию от козней держав» (Италии и Великобритании – С.Б.), но также заявил, что «...в случае необходимости оно (царское правительство) могло бы согласиться принять на себя задачу по оказанию абиссинским паломникам, посещающим Палестину, покровительство чрез консулов своих, пребывающих в Турции²⁶⁵». Слова о бескорыстной помощи единоверной Эфиопии (подчеркнуто мной – С.Б.) ставились российской дипломатией во главу угла и должны были одновременно служить подтверждением миролюбивого характера политики и объяснением столь сильного интереса к ситуации на африканском континенте, где Россия традиционно не имела экономических, политических интересов и сфер влияния. Французская сторона старалась культивировать идею объединения русской и эфиопской церквей, Жискара Маршан в своей беседе с Булатовичем назвал данный проект основным аргументом в пользу расширения российского присутствия в Эфиопии²⁶⁶. Между тем, российско-эфиопские отношения продолжали развиваться: в 1896 г. в Россию прибыли посланцы от негуса, на приеме у Николая II ими были подняты вопросы о положении абиссинской церкви в Иерусалиме, в том числе проблема возвращения отнятых у эфиопов святых мест. После краткого визита в Россию эфиопское посольство отбыло в Стамбул, где при поддержке российского консульства провело соответствующие переговоры с султаном Абдул-Хамидом II. Переговоры вскоре принесли свои плоды: в документе, датированном 1901 г., церковь Святой Елены, о которой ранее писал Петр Агеев, значится уже как принадлежащая абиссинцам²⁶⁷ (однако в последствие она вновь сменит хозяев, перейдя в очередной раз под контроль армян – С.Б.). Эфиопы обрели одну из главных своих святынь, что позитивно отразилось на двусторонних отношениях, в которых, однако, со временем начнет проявляться заметное похолодание. Проблема абиссинских паломников не была урегулирована. Российский консул в Иерусалиме и начальник Русской духовной миссии не получили особых указаний на данный счет, что подчас приводило к неприятным не-

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Из донесения П.М. Власова М.Н. Муравьеву о первой аудиенции у императора Эфиопии Менелика II // Булатович А.К. Третье путешествие в Эфиопию. М., 1987. С.106.

²⁶⁶ Рапорт № 6 Российскому императорскому чрезвычайному посланцу в Абиссинии действительному статскому советнику П. М. Власову состоящего в распоряжении Чрезвычайной миссии в Абиссинии А. К. Булатовича, г. Аддис-Абеба, 28 мая 1899 г. // Там же. С.36.

²⁶⁷ Михайловский В.Я., протоиерей. Храм Воскресения Господня в Иерусалиме и окружающие его святыни. Спб., 1901, С.3.

доразумениям и вызвало закономерную критику со стороны посетившего Палестину Л.К. Артамонова: «Репрессалии против абиссинцев, тяжко удрученных нуждами во всех отношениях, порождают среди них недоумение: в Абиссинии русские их даром лечат, им помогают, их одаляют, уверяют, что русские и они одной и той же веры, а в Иерусалиме те же русские совсем иначе к ним относятся. Кто же серьезно после этого поверит нашим официальным заявлениям?»²⁶⁸» Вопрос о паломниках потерял для российского правительства свою актуальность в свете изменившихся политической обстановки. В 1898 г. англичане разбили махдистов при Ом-дурмане и поставили под свой контроль всю территорию Судана, войдя в конфликт с интересами Франции. Несколькими месяцами ранее российско-эфиопская экспедиция под командованием Артамонова подняла французский флаг на левобережье Белого Нила (юг Судана), но инцидент в Фашоде сорвал планы Франции относительно расширения своих африканских владений за счет суданских территорий и негуса Менелика, договорившегося с французами о пограничном размежевании по течению Белого Нила. После разрешения Фашодского кризиса и подписания англо-французского соглашения о разделе сфер влияния в Африке интерес России к событиям в данном регионе, стимулируемый прежде союзническими отношениями с Францией, заметно ослаб. Похолоданию в российско-эфиопских отношениях способствовали также события Русско-японской войны и Революции 1905-1907 г.г., которые должны были поколебать веру Менелика в правоту сделанных ранее российским консулом П.Власовым заявления относительно мощи пятимиллионной русской армии и «не прерывающемся никогда единстве народа с царем». Александр Булатович, постриженный на Афоне в монахи под именем Антоний, предпринял в 1911 г. последнюю попытку объединения Эфиопии и России на религиозно-культурной основе, но его планам, как видно из письма поверенного в делах консульства России в Аддис-Абебе Б. Чемерзина на имя министра иностранных дел А. Нератова, не суждено было реализоваться: «...о. Антоний попытался выяснить отношение местного правительства к остальным задуманным планам об учреждении русской православной духовной миссии и Афонского подворья в Абиссинии. Здесь ожидало его разочарование: как члены правительства, так и вообще знатные туземцы, которые ежеминутно изливали перед о. Антонием свои чувства любви ко всем русским вообще и к русскому духовенству в особенности, как только дело зашло об уступке для сооружения подворья русского монастыря острова на озере Хорошал (находящегося в трех днях пути к югу от Аддис-Абебы и облюбованное о. Антонием в настоящую поездку для указанной цели), нашли массу возражений, и о. Антонию так и не удалось заручиться положительным обещанием уступки ему намеченного участка земли. Предвидя такой оборот дела, я уклонился от какого бы то ни было содействия начинаниям о. Антония.»²⁶⁹

При личной встрече Чемерзин уведомил Булатовича, что ни правительство, ни Синод, даже в случае выделения эфиопской стороной земельного участка, не станут финансировать его проекты по строительству афонского подворья и брать на содержание намеченные к открытию в будущем школу и семинарию²⁷⁰.

Идея объединения русской и эфиопской церковей была признана утопичной и окончательно похоронена после свержения монархии. В отношениях России и Эфиопии наступила длительная фаза спада. Интерес к региону и собственно к Эфиопии пробудится в СССР на фоне процесса деколонизации Африки в 60-х г.г. XX века.

²⁶⁸ Лисовой Н.Н. Святыни Иерусалима и русско-эфиопские отношения кон. XIX – нач. XX в. // Культурное наследие Египта и Христианский Восток. М., 2004, С.373-374.

²⁶⁹ Доверительное письмо поверенного в делах посольства России в Эфиопии Б. Чемерзина от 15 декабря 1911 г. министру иностранных дел России А. А. Нератову // Булатович А.К. Третье путешествие в Эфиопию. С.115-116.

²⁷⁰ Там же. С. 116.